

— Принятый 43-м парламентом закон перераспределил долю граждан в составе депутатов. Радостная новость: число омега в парламенте выросло с двадцати одного до двадцати трёх мест, уравнившись с числом альфа. Это важная победа омег в борьбе за политические права, — с улыбкой сообщил профессор, прохаживаясь перед доской.

В аудитории раздались аплодисменты.

Сюй Сяочжэнь сидел в углу, у самого окна. Таких новостей за последние годы было немало. Он знал, как положено на них реагировать, знал, что надо бы порадоваться — но внутри не шевельнулось ничего. Он лишь опустил глаза на планшет, машинально пролистал слайды.

Всего в парламенте пятьдесят мест. Омега теперь двадцать три — столько же, сколько альфа. Но общее число-то не изменилось. Откуда взялись лишние два кресла? Ответ лежал на поверхности: у бет отобрали. Было шесть мест — стало четыре.

Формально это подавалось красиво. Взамен бетам увеличили «вес» их голоса — теперь один бета-деПУТАТ имел право на два голоса. На словах — даже лучше, чем прежде. Якобы не только сохранили влияние, но и усилили его.

Но Сюй Сяочжэнь знал, что стояло за этой реформой. Массовая гибель более двухсот бета в шахтах — трагедия, которую замаяли, заглушили, списали на «несчастный случай». Только когда начались волнения, парламент немедленно принял «исправления». Быстро, согласованно, почти без обсуждений.

С одной стороны — омега получили большее представительство. С другой — бетам выдали компенсацию, которая ничего не меняла. Им дали понять: о них не забыли. Хотя на деле просто убрали из зала.

По действующим стандартам, чтобы заблокировать законопроект, необходимо как минимум двадцать процентов голосов «против», если не используется право вето — привилегия, доступная лишь немногим. После реформы суммарная доля голосов бета выросла с двенадцати до пятнадцати процентов. Недостаточно.

Это было похоже на сделку, где тебе нужно двадцать монет, чтобы купить что-то важное. Тебе дают двенадцать. Ты возмущаешься — тебе добавляют ещё три. Теперь у тебя пятнадцать, и товар всё ещё недоступен. Но тебе говорят: «Мы пошли тебе навстречу. Если тебе всё ещё мало — значит, ты не ценишь того, что для тебя сделали».

Сюй Сяочжэнь закрыл планшет. Лекция продолжалась, но он её больше не слышал.

Чем дольше он учился в Имперском университете, тем отчётливее понимал: всё, чему его

учили в Восемнадцатом секторе, не стоило и гроша. Одна страна — два мира. То, что считалось знанием там, здесь не имело никакой ценности. Всё было иным: другие приоритеты, другие правила, другой воздух.

Переизбыток привилегий, защита законом — с таким он раньше никогда не сталкивался. Поначалу это ошеломяло. Иногда, ловя себя на том, как наслаждается тишиной библиотек, стерильными корпусами и автоматической вежливостью преподавателей, он ощущал, будто становится частью этого мира. Будто и вправду заслужил быть здесь. Прошлое постепенно уходило в тень.

Он доказал, что способен. Бета, который сумел превзойти многих альф и омег, взлелеянных с рождения элитой. Он добился всего сам. И что теперь?

Иногда по ночам он лежал без сна, глядя в потолок, и одна мысль вновь поднималась со дна сознания. Он гнал её прочь. Слишком опасная. Крамольная. Стоило ей укорениться — и она могла уничтожить всё.

У него была блестящая учёба. Рядом — человек, который его любил. Разве этого мало? Он должен быть доволен. Учиться, работать, не роптать. Любая, даже случайная дерзость могла навредить не только ему — но и Гу Яню, и Шэнь Ле.

— Сюй Сяочжэнь, почему молчите? — послышался голос. — Вы ведь единственный бета в группе. Может, выскажете своё мнение? Эта политика направлена на поддержку вашего класса, она значительно улучшила ваше положение...

Изящный омега-преподаватель говорил с воодушевлением, почти с пафосом. В каждом слове сквозила лояльность — и тонкая, беззлобная, но чёткая уверенность в иерархии.

Все обернулись. Взгляды — с оттенком насмешки, полуулыбки на губах. Ждали. Что он скажет?

Ждали, что бета, загнанный в угол, тот, кто с детства знал вкус унижения, сейчас встанет, расправит плечи, театрально подставит вторую щёку и произнесёт: «Какой чудесный указ. Никогда и мечтать не мог, что такое возможно для бета вроде меня».

Сюй Сяочжэнь опустил глаза, впился ногтями в ладони. Молчал.

Преподаватель нахмурился. Во взгляде проступило лёгкое раздражение:

— Неужели лучший студент политического факультета не может произнести ни слова?

В аудитории раздались смешки. Тихие, пренебрежительные.

Он едва сдержался. Встал. На мгновение его захлестнул порыв — сказать всё, что накопилось, выбросить наружу всю злость, всю правду, которую годами учился глотать. Но вспомнил о своей учёбе, о Гу Яне, о Шэнь Ле. Сжал челюсти. По шее проступили вены от напряжения. Он заставил себя выдохнуть — медленно, с усилием — и выбрал единственные слова, которые позволял себе произнести:

— Я не считаю, что положение бета стало лучше.

В классе наступила мёртвая тишина. Даже те, кто только что ждал зрелища с ухмылками, вытянулись. Лица стали настороженными. Кто-то опустил глаза.

Профессор, не меняя выражения лица, холодно произнёс обвинение. Велел Сюй Сяочжэню покинуть аудиторию — сказал, что таким, как он, не место на лекции, пообещал сообщить о его поведении в деканат и лично добиваться временного отстранения от занятий.

Сюй Сяочжэнь не стал спорить. Он вышел, прижимая к груди книгу, и простоял весь остаток пары в коридоре, не отходя от двери. Уведомление не заставило себя ждать: в его почтовом ящике уже лежал официальный приказ об отстранении на семь дней.

Он знал: если сейчас пойдёт просить снисхождения — встретит только вежливое пренебрежение и улыбки, в которых будет всё, кроме участия. Он не собирался давать им такое удовольствие.

Он злился на себя. Не за мысль — та была искренней и давно зрелой. Он злился за то, что не смог промолчать. За то, что поддался — позволил себе глупость: сказать вслух то, что лучше бы навсегда осталось в голове.

Это стоило ему недели занятий. А может, куда больше — его положения, его будущего. Он чувствовал, как хрупко всё держится.

Он глубоко вдохнул, спрятал телефон в карман. Студенты начали выходить из аудитории — одни поодаль, другие почти вплотную. Некоторые бросали взгляды, чужие и насмешливые, с интересом, за которым чувствовалась знакомая, забытая усмешка.

Он услышал, как кто-то рядом вполголоса, но с явным расчётом на публику, произнёс:

— Всё ещё думает, будто генерал-майор за него горой.

— Насколько я помню, он уже генерал-лейтенант, — отозвался другой, с ленцой.

— И что с того? Все же знают, что его бросили. Видели, как он тогда в слезах возвращался в общагу. Тоже мне — привилегированный.

О том, что в тот день Гу Янь едва не лишился кисти, защищая его, знал только директор. Этот инцидент был строго засекречен. Для остальных он был просто студентом, которого больше никто не прикрывает. Никем, чьё исчезновение вряд ли кто-то заметил бы.

Сосед по комнате давно растрепал по всей школе, что его бросили, превратив это в любимую сплетню кампуса. Те, кто ставил на исход их отношений, заработали приличные деньги.

Для всех остальных он больше не был любовником могущественного Гу Яня. Он был просто никем. Без защиты. Без опоры.

Так открыто смеяться над ним в последний раз осмелились только в начале прошлого семестра.

Сюй Сяочжэнь думал, что уважение и осторожность, с которой с ним обходились — были заслугой его собственных успехов. Оказалось, нет. Всё это — благодаря Гу Яню.

Его усилия, его успехи ничего не значили.

Он равнодушно повернулся, не желая ни с кем связываться, и уже собрался уходить, как вдруг:

— Оскорблять однокурсника грязными словами — это всё, на что вас хватило? Будущие звёзды политической элиты Империи... Какое разочарование.

Голос прозвучал мягко, с ноткой печального упрёка, и прокатился по коридору, словно шёлк по мрамору.

Все обернулись. К ним приближался Шэнь Ле — студент инженерного факультета, которого ещё на первом курсе прозвали первым красавцем Имперского университета.

Он шёл медленно, нахмурившись, обняв себя за плечи. На нём была рубашка цвета глицинии с мягким, драпированным вырезом — тончайшая, почти невесомая ткань переливалась и колыхалась при каждом движении, словно туман на ветру. Вырез обнажал линию ключиц. От предплечья до пальцев его обвивала тонкая серебристая цепочка, усыпанная миниатюрными глициниями. Она поблёскивала на солнце, ловя свет каждым звеном.

Прошло всего несколько дней, а волосы у него, казалось, отросли и теперь отливали холодным серебром. В этом образе было что-то ядовито-прекрасное — роскошь цветка, который опасно трогать.

Даже несмотря на колкость, прозвучавшую в его голосе, в наступившей тишине чувствовалось: присутствующие едва дышали. Его красота действовала неотвратимо.

Шэнь Ле подошёл к Сюй Сяочжэню и обнял его за плечи. Затем, с высоко поднятым подбородком, оглядел собравшихся.

— Извинитесь, — спокойно, но жёстко произнёс он.

Он выглядел мягким — тонкие черты, светлая кожа, плавная линия фигуры. Но было в нём что-то, что не оставляло пространства для спора. Его авторитет был неофициальным, но весомым, и, не желая выглядеть мелочными в его глазах, один за другим студенты покраснели, отвели взгляд и начали неуверенно извиняться перед Сюй Сяочжэнем.

Шэнь Ле, обычно доброжелательный и даже мягкий, сейчас звучал холодно.

— А извинения — это уже раскаяние, да? — медленно произнёс он, задержав взгляд на каждом лице. В глазах у него мелькали мысли, одна мстительная идея сменяла другую.

Затем он взял Сюй Сяочжэня за руку и увёл его прочь, не оглядываясь.

От прикосновения Сюй Сяочжэнь весь напрягся и неловко вывернулся из объятий. Его плечи остались зажаты, взгляд — отстранённый.

Шэнь Ле тут же переменялся. Прикусил губу, голос стал тише:

— Брат... Я знаю, тогда я тебя сильно задел. Это была моя вина. Я всё понял. Осознал.

Ты сейчас не хочешь меня видеть — и я это приму. Я уйду. Но прошу... поверь: ты для меня самый близкий человек. Самый любимый.

Если когда-нибудь тебе понадобится моя помощь — я приду. Всегда.

Он развернулся и пошёл прочь, не оборачиваясь.

Сюй Сяочжэнь смотрел ему вслед, не понимая, что чувствует. Смутное, тяжёлое ощущение оседало в груди. Может, как сказал Шэнь Ле, всё действительно было в зависти. Или в том, как обидчиво пересеклись их пути. Или в чём-то, что они оба не сумели назвать.

Он сделал шаг, повернув за угол — и столкнулся с кем-то. Уткнулся лицом в чью-то грудь. Чужая рука привычно обвила его плечи.

Гу Янь.

— Что случилось? — спросил он спокойно. — Поссорились?

Он обнял Сюй Сяочжэня так, как будто всё происходящее вокруг перестало иметь значение.

Домработница уже всё ему рассказала. Утром она видела, как Шэнь Ле вышел из комнаты господина Сюй с отпечатком ладони на щеке. Этого было достаточно, чтобы Гу Янь понял: Шэнь Ле попытался сыграть на своём очаровании, на привычной слабости других перед его красотой — и нарвался.

Прекрасно. Пусть знают, с кем имеют дело. Надеялись, что в его отсутствие смогут подобраться к Сюй Сяочжэню? Недооценили. Ни его решимость, ни его чувства.

Отстранение от занятий, ссора с братом — любая из этих вещей могла выбить Сюй Сяочжэня из равновесия. Но сейчас он стоял перед ним — наконец-то, после месяца разлуки. Глаза у Сюй Сяочжэня засветились, он не пытался это скрыть. Но и рассказывать о ссоре с Шэнь Ле не стал. Ему показалось, что это только усугубит всё: между ним и братом, между братом и Гу Янем.

Он просто взял Гу Яня за руку — крепко, с силой — и долго смотрел на него, будто хотел запомнить черты заново.

— Главное, что ты в порядке, — тихо сказал он. — Это самое главное.

Гу Янь задержался в старом доме на несколько дней. Ждал, пока исчезнет след от пощёчины. Только тогда осмелился прийти. Сиделка рассказывала, как Сюй Сяочжэнь смотрел трансляцию с военных учений — с глазами, полными звёзд. Гу Яню было стыдно появляться перед ним с таким лицом. Он хотел, чтобы Сюй Сяочжэнь им восхищался. Чтобы в его взгляде отражалось то же уважение, что звучало в голосе сиделки.

Оставшись один, он чувствовал, будто по венам бегают муравьи. Скучал. Сильнее, чем ожидал. Поэтому не раздумывая — первым делом поехал в университет.

Он был уверен: как только Сюй Сяочжэнь увидит его, сразу заговорит о том, каким потрясающим он был на учениях, поздравит с повышением, посмотрит с тем самым обожанием, которого ему всегда не хватало.

Но вместо этого — только короткое:

— Главное, что ты в порядке.

Он замер. Вот оно. Его успехи, звания, медали — всё это для Сюй Сяочжэня всегда было второстепенным. Главное — он сам. Его здоровье, его возвращение.

Гу Янь почувствовал, как в груди поднимается тёплая, медленная волна. Сердце стало мягким, будто расслабилось изнутри. Он наклонился и осторожно поцеловал Сюй Сяочжэня в лоб.

Простое, тихое движение — и всё стало на свои места. Это ощущение было правильным.

Сюй Сяочжэнь вдруг вспомнил те насмешки, что слышал утром. Как их обсуждали, как смеялись. Он молча разжал пальцы, чуть отступил, будто напоминая себе: они на публике.

— Пошли. Дома поговорим.

Появление Гу Яня среди бела дня, в стенах университета, не могло остаться незамеченным. Не то что в прошлый раз, когда он пришёл тайно. Новости разлетелись мгновенно.

В коридорах академии началась новая волна пересудов. Так его не бросили? Серьёзно? Он опять выкрутился?

Студенты шептались, оборачивались, открывали личные каналы с комментариями и скриншотами. Те, кто ещё утром позволял себе язвить в лицо, теперь поневоле нервничали. В воздухе повисло напряжение.

Презрение — это одно. Но вот хамить человеку, за которым стоит Гу Янь?.. Это уже опасно. Стоит Сюй Сяочжэню сказать пару слов шёпотом на подушке — и им конец.

Почтовый ящик Сюй Сяочжэня взорвался. Письма с извинениями летели одно за другим, красной лентой выстраивались в списке входящих. Некоторые даже пошли просить профессора смягчить наказание и снять отстранение от занятий.

Но всё это прошло мимо Сюй Сяочжэня. Он был посреди моря. На борту яхты, без связи, без интернета — Гу Янь заранее обо всём позаботился.

Он сослался на день рождения и уговорил Сюй Сяочжэня поехать с ним. Раз уж занятия приостановлены — что сидеть дома и хандрить? Гораздо лучше — провести время вместе.

Сюй Сяочжэнь скачал с сайта университета лекции, архивные записи и взял с собой несколько учебников. Учёбу он бросать не собирался. Увидев его набитый до отказа рюкзак, Гу Янь впервые кивнул с искренним одобрением.

День рождения, морская прогулка, уединение на яхте... Любой бы понял, к чему это всё. Даже Сюй Сяочжэнь, вероятно, не был настолько наивен.

Гу Янь с нетерпением ждал, какой сюрприз тот ему приготовил.

Поначалу Сюй Сяочжэнь страдал от морской болезни, но к вечеру, когда они вышли из Гисарского пролива, стало легче. Гу Янь, на удивление терпеливый, весь день заботливо сидел рядом, подавая тёплую воду.

— Я думал, ты откажешься поехать из-за учёбы, — сказал он, проводя ладонью по его спине.

Сюй Сяочжэнь перевернулся, посмотрел на него:

— Меня отстранили от занятий.

Сказал — и тут же понял, что зря. Выходило, что он поехал лишь потому, что оказался не у дел. Подал Гу Янью повод для шуток на блюдецке.

Он уже приготовился к тому, что Гу Янь может швырнуть стакан о стену. Но тот лишь спокойно поднёс воду к его губам и дал сделать глоток, а потом мягко спросил:

— А за что тебя отстранили?

Сюй Сяочжэнь действительно знал Гу Яня слишком хорошо. Да, тот испытал раздражение: ему было обидно, что Сюй Сяочжэнь приехал не потому, что сам захотел, а потому что оказался без учёбы. На миг в нём вспыхнул гнев, но он быстро потух — в свете задуманного плана.

Сюй Сяочжэнь был удивлён. Их отношения всё больше напоминали сказку о мальчике, который кричал «волки!». Гу Янь — тот самый мальчик. Каждый раз говорил: «Я изменился. Больше не буду срываться», и каждый раз Сюй Сяочжэнь верил — и каждый раз разочаровывался.

Поэтому, даже видя внешнюю мягкость Гу Яня, он не расслабился. Не стал жаловаться на ситуацию на занятиях, а лишь сухо сказал:

— Сказал на лекции то, что не стоило говорить.

— Что именно? — нахмурился Гу Янь. Он был уверен, что если Сюй Сяочжэнь уж начал рассказывать, то должен был бы пересказать всё в красках: с возмущением, с жалобами, с праведным гневом. А теперь — только сухая констатация.

Сюй Сяочжэнь едва заметно вздохнул.

Когда он говорит много — Гу Янь ворчит, что тот болтает без умолку. Когда он говорит мало — требует объяснений.

— Я сказал, что не считаю, будто закон, принятый на 43-й сессии парламента, действительно улучшил положение бета.

Он внимательно следил за выражением лица Гу Яня — и заметил лёгкую улыбку.

Но не язвительную, как у тех однокурсников-альф и омег, не с оттенком злорадства. Это была мягкая, почти снисходительная усмешка — как будто он удивлён, что Сюй Сяочжэнь вообще решился спорить с преподавателем из-за такой мелочи.

Гу Янь легко сжал его за шею:

— Верно. Империя никогда и не собиралась менять статус бета. Ни в прошлом, ни сейчас, ни в будущем. Главное — чуть-чуть их успокоить, сделать вид, будто что-то меняется, и они дальше будут работать на благо государства. Но всё это — к тебе не относится.

В глазах Сюй Сяочжэня на мгновение мелькнуло разочарование.

Вдруг ему вспомнилось, как когда-то, ещё в Восемнадцатом секторе, они с Гу Янем спорили о нравственности и общественном поведении.

Наверное, им вообще не стоило начинать такие разговоры. Слишком уж разными были их детство и окружение — и мышление тоже шло врозь.

— О чём задумался? — спросил Гу Янь, когда заметил его молчание.

Сюй Сяочжэнь покачал головой. Он не хотел спорить.

Гу Янь уловил его реакцию и в глазах мелькнуло понимание.

Даже после стольких месяцев в Первом, даже получая лучшее из того, что может дать Империя, Сюй Сяочжэнь всё ещё видел в себе низшего бета, всё ещё соперничал таким, как он сам когда-то.

Это было и глупо, и трогательно.

Гу Янь подумал, что, возможно, вся причина — в том, что Сюй Сяочжэнь никогда не знал, что значит быть омегой в полном смысле этого слова, не получал тех привилегий, что положены.

Как можно ставить себя на один уровень с обычными бета? Это же просто обесценивание себя.

Нет, раз он рядом с ним — он уже выше многих альф и омег.

Но ничего. Скоро всё изменится. Совсем скоро Сюй Сяочжэнь снова станет омегой. И тогда он сам прочувствует, что значит — быть частью той группы, к которой Империя проявляет особое благоволение. Он будет купаться в этой весне — и никакой холод не сможет к ней примешаться.

Гу Янь похлопал его по голове:

— Уже лучше?

Сюй Сяочжэнь кивнул.

Тот улыбнулся и взял его за руку:

— Пойдём, покажу тебе кое-что.

Сюй Сяочжэнь видел круизные лайнеры только в рекламных роликах. Он представлял себе их как огромные плавающие коробки с номерами, ресторанами, может быть, кинотеатром. В лучшем случае — выйти на палубу подышать морским воздухом, посмотреть на чаек.

Он и подумать не мог, что внутри такого корабля может быть что-то действительно необычное.

Пока Гу Янь не привёл его на настоящий ипподром. Прямо внутри корабля. Целый этаж отдан под него.

Сюй Сяочжэнь понял, насколько был наивен.

Гу Янь приказал привести ослепительно белого коня, сам помог Сюй Сяочжэню надеть защитное снаряжение, поддержал, когда тот садился в седло, а затем сам сел сзади, чтобы они вместе оседлали одну лошадь. Он вложил его руки в поводья, а свои — накрыл сверху, направляя и обнимая одновременно.

Сначала шагом, потом, когда Сюй Сяочжэнь чуть освоился, они перешли на рысь. Под управлением Гу Яня лошадь легко и плавно преодолевала препятствия, как будто всё происходило само собой.

После двух кругов они остановились, выпили немного шампанского. Гу Янь начал обучать его верховой езде: с азов, с того, как преодолевать барьеры.

Когда Сюй Сяочжэнь устал, он повёл его в казино, что располагалось на третьем подводном уровне палубы. Столики, усыпанные золотыми фишками, стояли на фоне красных бархатов, а разноцветные отблески люстр создавали ощущение роскоши и головокружительного шика.

На всём лайнере были только они двое, и весь зал был полностью отдан им.

Официантки в откровенных нарядах принесли шампанское и сигары, чинно стоя по сторонам.

Гу Янь усадил Сюй Сяочжэня к себе на колени, шепнул, что каждая фишка стоит двести пятьдесят тысяч. Потом начал объяснять правила нескольких игр.

У Сюй Сяочжэня руки дрожали — он так нервничал, что рассыпал карты по полу.

Но никто даже не подумал смеяться. Гу Янь, положив левую руку ему на талию, с улыбкой взял сигару, которую протянула официантка. Сигара зажата в длинных, сильных пальцах — в сиянии хрустала — выглядела соблазнительно и изысканно.

Он легко коснулся губ и сделал неглубокую затяжку. Затем подвёл сигару к губам Сюй Сяочжэня:

— Хочешь попробовать?

Сюй Сяочжэнь смотрел на его изящные пальцы — казалось, что всё, к чему они прикасаются, превращается в нечто бесценное, манящее.

Но он никогда не пробовал подобного — и покачал головой. Гу Янь не настаивал.

Принесли новую колоду. Гу Янь сменил игру, начал объяснять правила бриджа. Когда Сюй Сяочжэнь освоился, он позвал трёх профессиональных игроков. Игра началась. Гу Янь продолжал держать его, направляя и подсказывая.

Сюй Сяочжэнь с опаской взглянул на трёх игроков — лица у них были прямо как у карточных королей из старых фильмов. Ему стало не по себе. Играть не хотелось.

Он хорошо знал, к чему приводят азартные игры и прочие пороки — это всё трясина, в которую нельзя даже пальцем касаться.

— Проиграешь — не беда. Казино моё, денег не требуется.

С этими словами Гу Янь немного успокоил его, и Сюй Сяочжэнь кивнул.

Гу Янь поцеловал его в щёку.

Сюй Сяочжэнь сразу смутился, увернулся в сторону, порозовел. Гу Яню стало жарко от этого невинного жеста.

Сюй Сяочжэнь был умным, хватал всё на лету, учился быстро и с интересом. Через несколько раундов он уже полностью справлялся сам — помощь Гу Яня стала не нужна. Он даже начал втягиваться, но к счастью, вовремя остановился — проголодался. Решил подсчитать фишки.

И тут испугался. Если каждая стоит 250 тысяч — а перед ним их несколько десятков...

Гу Янь провёл его в парящий ресторан наверху лайнера и вручил карту, сказав, что это его выигрыш.

Сюй Сяочжэнь едва не лишился чувств — с перепугу сразу отдал карту обратно.

Развлечений на лайнере оказалось гораздо больше, чем он ожидал. За несколько дней он не только освоил верховую езду и карточные игры, но и попробовал горные лыжи с высокой платформы, гольф, и другие экзотические, дорогие, показательные развлечения, о которых раньше только слышал.

В бальном зале Гу Янь играл для него на рояле, а потом взял за руку и учил танцевать.

Влиятельный, красивый мужчина, который откладывает всё ради тебя. В его глазах — только ты. Он смеётся ради тебя, тратит целое состояние ради твоей улыбки, открывает тебе мир роскоши, которого ты никогда не касался...

Это искушение, перед которым не устоял бы ни один бедняк.

Он был для него тем самым воскрешённым идеалом, забытым светом юности — белой луной, что возвращается в самый тёмный час. Он отбросил свой крутой нрав, стал мягче, нежнее — только для него.

Это была тщательно выстроенная ловушка — сладкая, притягательная, и предназначалась она исключительно для Сюй Сяочжэня.

Раньше Гу Янь никогда не брал его с собой. Всё это — в новинку. Он и не знал, что такое возможно. И, оказавшись внутри этой сказки, как не утонуть?

Гу Янь слегка покачивал бокал с вином, наблюдая, как Сюй Сяочжэнь, сидя верхом, смеётся и машет ему рукой. Он ответил лёгкой улыбкой и поднял бокал в ответ.

Вино, ярко-алое, сверкало в стекле как кровь, густое, с ароматом, почти неотличимым от запаха феромонов Сюй Сяочжэня.

Он знал — даже такой упрямец, как Сюй Сяочжэнь, не сможет не поддаться.

Сюй Сяочжэнь тоже понимал: никто, кроме Гу Яня, не сможет дать ему такой жизни. Такого ослепительного мира, которого он прежде даже не касался. Стоит уйти — и всё это рассыплется, как мираж.

Гу Янь смотрел, как Сюй Сяочжэнь смеётся, и чувствовал, как с плеч уходит напряжение. Какая разница, сколько это стоит? Главное, чтобы он оставался рядом. Навсегда.

На третий вечер, после очередного безумного дня, Сюй Сяочжэнь наконец одумался, притормозил — и начал копаться в своём рюкзаке.

Гу Янь с улыбкой отправился в душ. Он был уверен: сейчас Сюй Сяочжэнь готовит сюрприз.

Он гадал: неужели его экономный мальчик купил что-то совсем простенькое? Может, выбор окажется не слишком модным, старомодным?

Но ничего страшного. Главное ведь — внимание.

Он, довольный, открыл дверь.

«Политический форум XXVII сессии Империи открылся во Втором районе — это исторический, прорывной, масштабный шаг вперёд...»

Торжественный женский голос звучал по всему люксу. Сюй Сяочжэнь, в своей обыденной футболке и шортах, лежал на кровати и делал записи по экономике.

— Ты вымылся? — спросил он, даже не поднимая головы.

Гу Янь скрипел зубами, переворачивая его рюкзак вверх дном. Книги. Только, чёрт подери, книги!

...

Пятидневное путешествие завершилось после дня рождения Гу Яня.

Хотя его передвижения строго охранялись, узнать о них было не так уж сложно. Особенно для Чэнь Баочжу, его официального жениха. И уж тем более — узнать, с кем именно он провёл эти пять дней.

Когда в руки Чэнь Баочжу попало досье на Сюй Сяочжэня, он сжал фотографии так сильно, что побелели костяшки пальцев. Глаза налились яростью и унижением.

Они вот-вот должны были объявить о помолвке, а тот, в свой день рождения, берёт с собой неофициального любовника, а не законного жениха?

Гу Янь, да ты просто издеваешься!

Чэнь Баочжу мог бы ещё терпеть наличие любовника. Но не позволить же ему так вольно садиться ему на голову.

Пылая изнутри, он всё же быстро обуздал эмоции. Воспитанный в благородной семье, он выровнял лицо и спокойно протянул руку:

— Принесите мне приглашения на помолвку.

Пора проучить этого любовничка как следует.

Гу Янь сначала уехал из Первого сектора на месяц, потом ещё и провёл пять дней в море с Сюй Сяочжэнем. Работы за это время скопилась до потолка, и теперь он ночевал в офисе, разбирая завалы.

Сюй Сяочжэнь тем временем сидел дома, смотрел новости, жуя лапшу и держа пластиковую ложку в зубах, когда вдруг в дверь постучали.

На пороге стоял незнакомый молодой человек, с приветливым выражением лица, изящной внешностью и коробкой дорогих сладостей в руках.

Сюй Сяочжэнь подумал, что это сосед, и открыл дверь. Тот слегка улыбнулся, сдержанно и вежливо, и протянул руку:

— Ты, должно быть, Сяочжэнь. Я — жених Яня.

<http://bllate.org/book/14462/1279173>